

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА ПУШКИНА

Н. В. Фридман,
доктор филологических наук
(Московский институт культуры)

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН»

1

«Бахчисарайский фонтан», написанный в основном в июне — декабре 1822 г.¹, стал одной из самых блистательных русских романтических поэм. Сам Пушкин подчас явно недооценивал свою поэму. Он подчеркивал, что «Бахчисарайский фонтан» «слабее «Пленника»², и даже писал Вяземскому: «Бахчисарайский фонтан», между нами, дрянью...» (XIII, 70). Но, конечно, здесь налицо элементы шутливой бравады. Письмо к Вяземскому датируется 14 октября 1823 г., а через месяц, 16 ноября, Пушкин писал Дельвигу о поэме: «Это бесвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь и все-таки похвалишь» (XIII, 75).

Но и высказанная Пушкиным всерьез мысль о сравнительном достоинстве двух южных поэм вряд ли была верной. «Бахчисарайский фонтан» во многих отношениях стоял выше первой южной поэмы Пушкина, хотя та и являлась по сюжету более современной. На этой точке зрения стоял Белинский, утверждавший, что в «Бахчисарайском фонтане» «заметен значительный шаг вперед со стороны формы: стих лучший, поэзия роскошнее, благоуханнее». В другом месте Белинский говорил о «роскоши и невыразимой сладости поэзии, которыми так полон «Бахчисарайский фонтан»³.

¹ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. I. с. 347.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16-ти томах. Т. XI, с. 145. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страниц.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 378 и 382.

В советское время это мнение Белинского, по существу, поддержал и аргументировал Г. О. Винокур, замечавший, что «по гармонии языка, роскоши стихов и описаний «Бахчисарайский фонтан» «оставляет далеко позади себя» «Кавказского пленника»⁴.

«Бахчисарайский фонтан» — бесспорно самый чистый образец романтизма Пушкина в жанре поэмы. Здесь меньше элементов реализма, даже «этнографического», чем в «Кавказском пленнике». Углубление романтизма естественно требовало от Пушкина и большего ухода от действительности.

«Бахчисарайский фонтан», в отличие от «Кавказского пленника», — это поэма без современного романтического героя (за исключением намеченного легкими чертами образа автора). Действие «Кавказского пленника» происходит в XIX в., в пору войны с горцами. Между тем время действия в «Бахчисарайском фонтане» точно установить трудно. Как отметил Б. В. Томашевский, «хронологическая неопределенность эпохи простирается от XV до XVIII в.»⁵.

Во всяком случае это не пушкинская эпоха, а былые времена, историческое прошлое. Однако основные цели Пушкина-романтика остались в «Бахчисарайском фонтане» прежними. Их определил Вяземский в написанном по просьбе Пушкина предисловии к поэме. Пушкин считал это предисловие «неоспоримым» и «блистательным», находя, впрочем, что Вяземский переоценил роль «классиков» в современной ему русской литературной жизни (XIII,91). Утверждая принципы романтической эстетики и противопоставляя их отжившим теориям «классиков», Вяземский подчеркивал, что существеннейшим достоинством творчества романтиков является «отпечаток народности, местности»: Это достоинство Вяземский и выделял в «Бахчисарайском фонтане», указывая на то, что в этой поэме «цвет местности сохранен в повествовании со всею возможною свежестью и яркостью. Есть отпечаток восточный в картинах, в самых чувствах, в слоге»⁶.

Вяземский очень точно отметил, что восточный «отпечаток» характерен и для переживаний центральной героини Заремы, и в значительной мере для условных пейзажей поэмы, и для ее слога. Нельзя забывать и о том, что Пушкин, так

⁴ Винокур Г. Крымская поэма Пушкина. — Красная новь, 1936, № 3, с. 242.

⁵ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. I (1813—1824). М.-Л., 1956, с. 504.

⁶ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878, т. I, с. 179.

же как и в «Кавказском пленнике», сталкивает людей разных национальных культур. При этом в «Бахчисарайском фонтане» в связи со стремлением Пушкина усложнить структуру романтической поэмы «сталкиваются» люди уже не двух (как в «Кавказском пленнике»), а трех наций: Зарема — грузинка, Мария — полячка, Гирей — татарин. Но в действительности в поэме сопоставлены все же не три, а две культуры: старинная — «первобытная», магометанская, и новая — европейская, христианская. Они и воплощены Пушкиным в двух женских образах — Заремы и Марии. В стихотворении Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца» этих романтических героинь символизируют две розы:

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.

Но в этих строках образы двух героинь даны лишь как «сон воображенья» поэта, вне связи с историко-культурными проблемами. Зато описание фонтана в поэме — именно историко-культурный символ, подчеркивающий контраст двух цивилизаций:

Над ним крестом осенена
Магометанская луна.

Как и в «Кавказском пленнике», Пушкин-романтик теснейшим образом связывает в «Бахчисарайском фонтане» «столкновение» двух цивилизаций с проблемой человеческих страстей. Это можно ясно увидеть при анализе основной сюжетной линии поэмы — истории Заремы и Марии.

2

Зарема — грузинка, рожденная в условиях европейской христианской цивилизации (христианство утвердилось в Грузии в первой половине IV в. в качестве государственной религии). Но еще маленькой девочкой ее увозят из Грузии, и она попадает в мусульманский Крым. Она только смутно помнит «другой закон, другие нравы». Пушкин-романтик окружает образ главной героини поэмы атмосферой сюжетной тайны. Неизвестно, как Зарема оказалась в Крыму. Она признается в сцене свидания с Марией:

Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море

И человека в вышине
Над парусами...

Эту сцену, где действуют Зарема и Мария, Пушкин считал очень важной и художественно цельной.

«Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство», — писал Пушкин (XI, 145). Драматично здесь не только сюжетное «столкновение» героинь, но и разных национальных культур. Вместе с тем сцена представляет собой яркий образец часто встречающегося в южных поэмах монологизма. В большом монологе, обращенном к Марии, Зарема раскрывает свой внутренний мир, свое понимание жизни, рассказывает о том, как, попав в Крым, она слилась с «первобытной» средой:

. я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней,
Но вера матери моей
Была твоя.

В душе Заремы живет смутное воспоминание о прежней вере, о прежних обычаях. Когда она входит к Марии и видит крест и лампаду, Пушкин пишет о ней:

Грузинка, все в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило

Конечно, для Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» христианство было не религиозно-догматическим учением, а символом новой европейской цивилизации.

Если в «Кавказском пленнике» симпатии Пушкина склонялись скорее на сторону «первобытной» культуры, то в «Бахчисарайском фонтане» они были на стороне культуры европейской. Поэтому-то в поэме и подчеркнуто, что для Заремы, насильственно оторванной от цивилизованных нравов своих родителей и предков и слившейся с нравами «первобытными», единственным и губительным законом становятся ее страсти.

Кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила,

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живеи
Твоих язвительных лобзаний?

В вариантах поэмы поцелуи Заремы определялись другим, но тоже подчеркивающим их силу эпитетом «пронзительных» (IV, 103).

Зарема «для страсти рождена» и говорит «языком мучительных страстей». Отсюда и ее предвосхищающая трагедию Алеко в «Цыганах» трагедия ревности. Чувство хана к Марии Зарема считает «преступным». Она умоляет Марию вернуть ей любовь Гирея, который раньше «дышал» с ней «счастьем» и говорит именно о силе своих страстей:

Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне: он мой;
На мне горят его лобзанья...

Страсть Заремы — ничем не обузданная дикая страсть, не смягченная цивилизацией. Она не похожа на любовь Черкешенки в «Кавказском пленнике». Черкешенка ревнует Пленника к «другой», но преодолевает свою ревность; освобождая Пленника, она даже советует ему найти эту «другую». Зарема вовсе не думает о счастье Гирея, который любит Марию. Она хочет наказать Марию и хана и восклицает:

Но слушай: если я должна
Тебе...кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена.

Осуществляя свою угрозу, Зарема убивает Марию и в ту же ночь погибает сама ужасной смертью. Эта катастрофическая сюжетная развязка «Бахчисарайского фонтана», связанная со смертью двух женщин и вполне гармонирующая с катастрофическими развязками «Кавказского пленника» и позднейших «Цыган», является в высшей степени типичным для романтиков приемом сюжетной тайны. Поэт высказывает лишь предположения о причинах смерти Марии:

Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почил.

Она давно желанный свет,
Как некий ангел озарила.
Но что же в гроб её свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь, или другое зло?..
Кто знает? Нет Марии нежной!..

Ответ на вопрос о причинах этой смерти читатель получает только в другом месте поэмы. Уже рассказав об отчаянии Гирея, вызванном гибелью Марии, Пушкин пишет:

Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и её страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье!

И это сказано с нарочитой неясностью. Читатель лишь догадывается о том, что Зарема убила Марию, потому что упомянута ее «вина», а до этого она угрожала Марии кинжалом. Однако слова «Но что же в гроб её свело? Болезнь, или другое зло?» наводят скорее на мысль об отравлении (вспомним, что Черкешенка в «Кавказском пленнике» тоже обещает найти «кинжал иль яд», если её продадут «немилому»). Все это вызвало неудовольствие противника романтической поэтики, убежденного «классика» П. А. Катенина. В июле 1824 г. он писал своему другу Н. И. Бахтину в Париж о странных и неестественных, с его точки зрения, поступках и судьбах героев пушкинской поэмы. Катенин особенно обрушивался на неясность обстоятельств смерти Марии: «...Фонтан что такое и сказать не умею; смыслу вовсе нет. Вначале Гирей курит и сердится, потом встал и пошел куда-то, вероятно, на двор, ибо после об этом ни слова, а начинается описание внутренности гарема, где, по мнению Пушкина, запертые невольницы, пылкие грузинки и пр. сидят «беспечно», ожидая хана!!! Что за Мария? Что за Зарема? Как они умирают? Никто ничего не знает, одним словом это *romantique*»⁷.

⁷ Чебышев А. Материалы для истории русской литературы 20-х — 30-х годов XIX в. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. — Русская старина, 1911, апрель, с. 170.

Катастрофическая, хотя и не вполне ясная, сюжетная развязка «Бахчисарайского фонтана» является следствием «дикой вольности», которая была осуждена Пушкиным еще в эпилоге «Кавказского пленника». Пушкина, несомненно, по-своему привлекает красота Заремы, и первоизданная свежесть, и сила её чувств. Но он рисует ревность как «злую страсть» и связывает ее в данном случае с диким и варварским миром. Не случайно ревность названа в поэме «злой»:

Ня злобной ревности мученья,
Ни скука не смущали нас, —

вспоминает Зарема о своем счастье с Гиреем. Ревность, ведущая к преступлению, делает Зарему демоничной. И вместе с тем ее образ глубоко трагичен. Устраняя Марию и наказывая тем Гирея, Зарема рискует жизнью (если она убила соперницу тайно) или, может быть, даже сознательно идет на смерть (если она открыто совершила преступление). «Я гибну», «Меня убьет его измена», — говорит она Марии, и эти слова оправдываются.

Когда Пушкин создавал «Бахчисарайский фонтан», он уже вынашивал в своем сознании мысль, которая будет четко сформулирована в «Цыганах»:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет

Поэтому Пушкин нигде не осуждает Зарему, которую целиком подчиняет себе «роковая», всепоглощающая страсть. Более того, трагический конец героини вызывает у него сожаление. Пушкин показывает, как страсти ослепляют Зарему. В её речи, обращенной к Марии, в этом потоке бурных эмоций и не терпящих возражений доводов («Не возражай мне ничего», — восклицает Зарема) переплетаются самые разнообразные, внутренне противоречивые мотивы: Зарема обвиняет Гирея в «преступной» измене, признает, что Мария к «преступленью не причастна», требует от нее невозможного — возвращения любви Гирея и, наконец, угрожает ее убить! Эти речи подсказывает только слепая «демоническая» страсть.

3

Рисую Зарему и Марию, Пушкин прибег к приему контраста, столь характерному для романтической литературы. В конце поэмы, говоря о «теньях», которые являлись ему, ког-

да он посетил заброшенный ханский дворец, Пушкин спрашивает себя:

Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема?

Противопоставление Заремы и Марии в поэме — это противопоставление, часто возникавшее в романтической литературе и нашедшее высшее воплощение в лермонтовском «Демоне», было не чуждо и лирической поэзии Пушкина. Начало стихотворения «Ангел» (1827 г.) очень напоминает заключительные строки поэмы:

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Если Зарема — демон, то Мария — ангел («она давно желанный свет, как новый ангел, озарила», — пишет о смерти Марии Пушкин; «Спорхнувший с неба сын эдема, Казалось, ангел почивал», — сказано о спящей Марии)⁸.

В обрисовке Марии можно найти черты, напоминающие романтические образы Жуковского. Мария ожидает свидания в небесах с погибшими близкими:

С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!
Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут
И в небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовут.

У Жуковского подобными мечтаниями охвачена героиня «Золотой арфы» Минвана:

Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,

⁸ Ср. слова о покое гарема, где живет Мария:
И, мнится, в том уединеньи
Сокрылся некто неземной.

Где все не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.

Мария, как было сказано, символизирует в поэме новую европейскую цивилизацию. Мария — жертва татарского набега на Польшу, В то время Польша — это «цветущий край», «обезображенный войною». Колорит феодальной эпохи особенно подчеркнут образом замка, в котором обитала Мария до плена. Замок неоднократно упоминается в поэме. Мария «независимый досуг в отцовском замке меж подруг одним забавам посвящала», после набега татар «пышный замок опустел»; далее узнаем, что «скупой наследник в замке пра-вит». А могила отца Марии украшена феодальными атрибутами:

В домово́й церкви, где кругом
Почи́ют мо́щи хладным сном,
С короной, с княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница...

Трагедия Марии в том, что она пленница, увядающая в «неволе тихой» и «безнадежной». Она напоминает Пленника, также попавшего в плен и мечтающего о воле. В стремлении Марии к свободе, в предпочтении ею неволе смерти («С какою б радостью Мария оставила печальный свет!») проявилось вольнолюбие самого поэта.

Пушкин хотел в лице Марии нарисовать идеальный образ — «души неясный идеал», как сказано в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца». Этот образ внутренне связан с «неотразимой», «неизбежной» любовью Пушкина к женщине, о которой говорилось вслед за последним упоминанием о Марии:

Я помню столь же мильный взгляд...
И красоту еще земную...

И далее Пушкин восклицает с необычайной взволнованностью:

Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать

И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

До сих пор неизвестно, о какой любви говорит здесь поэт⁹. Но важнее всего, что в лице идеальной и несколько «неясной» Марии он нарисовал обобщенный образ женщины, полной душевной красоты и благородства. Внешность этой голубоглазой красавицы не похожа на внешность темноокой Заремы.

Все в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.

Облик Марии так благороден, что Гирей не смеет прибегнуть к насилию. Белинский усмотрел в этом «великую и глубокую» мысль поэмы; по его словам, чувство Гирея «перевернуло вверх дном татарскую натуру деспота-разбойника»¹⁰. Но Гирей все же не центральная фигура поэмы, основу которой составляет резкий контраст и «столкновение» образов Марии и Заремы. Она проявляется полнее всего в противопоставлении страсти и бесстрастия, т. е. в той эмоциональной сфере, которая так ярко очерчена во всех южных поэмах.

Мария противопоставлена Зареме именно в том, что она не знает страстей и обладает «хладной красотой». Пленник в первой романтической поэме Пушкина растратил свои страсти, а Мария их еще не испытывает, хотя где-то в психологических глубинах своей природы ощущает их скрытое присутствие. Но и Пленник и Мария холодны. Мария не понимает, о чем говорит ей Зарема, ее только изумляют и пугают слова грузинки:

Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей:
Но голос их ей смутно внятен,
Он странен, он ужасен ей!¹¹

⁹ См. об этом: *Томашевский Б. В.* Указ. соч., с. 510; *Гроссман Л. П.* У истоков Бахчисарайского фонтана. — В кн.: А. С. Пушкин. Исследования и материалы. М.-Л., 1960, т. III, с. 49—100.

¹⁰ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., 1955, т. 7, с. 380.

¹¹ В черновом варианте поэмы есть строки, подчеркивающие, что в Марии не пробудились страсти:

Но в (тишине души своей)
Она л(юбви еще не знала) (IV, 389).

Гирей стоит ближе к пленнику, чем Мария: он утратил пыл страстей и охладел. Пушкин придает Гирею черты воинственности и силы. Это «грозный» хан с «сумрачным» лицом. Однако это не только татарский завоеватель, совершающий «злые набеги», но и романтико-байронический герой. Под влиянием своей неразделенной любви к Марии «задумчивый властитель» «скучает бранной славой». О его охлаждении к Зареме Пушкин пишет:

Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красы...

Оба эпитета, особенно «жестокий», весьма типичны для пушкинской романтической поэзии.

После гибели Марии, которую он любил и «щадил», Гирей приходит к полному разочарованию и даже отчаянию, хотя и сохраняет воинственные черты.

Он снова в бурях боевых
Несется мрачный, кровожадный,
Но в сердце хана чувств иных
Таится пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что-то шепчет, и порой
Горючи слезы льет рекой.

Хан, который проливает слезы в сражении, рискуя быть убитым, конечно, малоубедительная фигура. В «Бахчисарайском фонтане» еще сохранились элементы мелодраматической «преувеличенности», которых было так много в «Братьях-разбойниках». Впоследствии на эту мелодраматичность указал сам Пушкин. В 1830 г. он отмечает, что «Бахчисарайский фонтан», «кажется, не критиковали», и делает критические замечания на свое юношеское произведение. Он вспомнил, что его друг А. Раевский «хохотал» над приведенными выше стихами о Гирее. Соглашаясь с Раевским, Пушкин заключает: «Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама» (XI, 145).

Итак, герои «Бахчисарайского фонтана», как и в «Кавказском пленнике», являются носителями контрастных душевных состояний: пылкость Заремы противопоставлена девственной «холодности» Марии и разочарованности Гирея. Отсюда у Пушкина обилие выражений для характеристики психологических состояний: «бесперывное упоенье», «злая ревность», «мучительные страсти» (о Зареме), «хладная красота», «душа тоскующая» (о Марии), «задумчивый властитель», «мрачный, одинокий» хан (о Гирее) и т. д.

«Чистый» романтизм Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» вполне закономерно находит свое художественное воплощение в изображении человеческих страстей. Они определяют все поведение героев поэмы. В ней, как и в «Кавказском пленнике», не раскрывается социальная обусловленность характера. Строя основной сюжетный конфликт (Мария — Зарема), Пушкин соотносит страсти с двумя монолитными, духовно не соприкасающимися и лишь внешне сталкивающимися культурами: европейской и восточной. В сфере последней и протекает действие. Но эта среда нарисована гораздо менее конкретно, чем в «Кавказском пленнике». В этом нетрудно убедиться, обратившись к картинам Крыма в поэме.

4

Пушкин впервые посетил Крым с семьей Раевских в августе — сентябре 1820 г. В отрывке из письма, приложенного к «Бахчисарайскому фонтану», поэт признается: «Увидел я картину пленительную». «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую?..», — писал Пушкин Дельвигу (XIII, 252).

Крым Пушкин воспринимал именно как поэт-романтик, трансформируя впечатления по законам романтического искусства. Когда между 5 и 8 сентября Пушкин посетил Бахчисарай и осмотрел ханский дворец, он увидел неприглядную картину: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истекает...»¹².

Однако в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» вместо «заржавой трубки» и прозаических «капель» возник фонтан, поэтически идеализированный:

¹² См.: Цявловский М. А. Указ. соч., с. 241—142.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной...

Поэт говорит о «немолчном говоре» и «поэтических слезах» фонтана. И в поэме, «в забвеньи дремлющем дворце», «играют воды» и «раздается фонтанов шум», а в самом фонтане слез «журчит во мраморе вода»¹³.

Можно привести другой пример романтической трансформации жизненного материала. Пушкин приложил к поэме «Выписку из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола», где рассказывается о спорах путешественника с татарами по поводу похищения ханом Керим-Гиреем полячки Потоцкой. «Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать полячек, все доводы мои остались бесполезными: они стоят в одном: красавица была Потоцкая...». Легко заметить, что Пушкин в поэме не согласился с точкой зрения «трезвого» путешественника и использовал татарскую романтическую легенду, о которой он, впрочем, знал и раньше.

Естественно, что для Пушкина-романтика были очень ценны книжные источники и именно те, которые так или иначе связаны с романтическим искусством.

В поэме заметно влияние Байрона. Сам Пушкин признавал, что «Бахчисарайский фонтан, как и «Кавказский пленник», «отзывается чтением Байрона» (XI, 145). Многие критики и литературоведы указывали на сходство некоторых ситуаций «Бахчисарайского фонтана» и восточных поэм Байрона. Сам Пушкин очень высоко ставил эти поэмы, когда в 1825 г. в письме к Вяземскому называл творчество Томаса Мура «чересчур восточным» и тут же прибавлял: «Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так прелестен в Гяуре и Абидосской невесте и проч.» (XIII, 160).

Однако в русской литературе существовала и своя использованная Пушкиным традиция изображения Крыма. Вскоре после присоединения Крыма к России в 1798 г. близкий к писателям «классического» направления поэт

¹³ Ср. также строки Путешествия Онегина:

Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум ..

С. С. Бобров написал большую поэму «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонисе». Но это описательное произведение не могло стать «крымским» источником для романтика Пушкина. Таким источником для него могли быть только произведения о Крыме, связанные со становлением и развитием романтической поэзии. Среди них надо указать стихотворение В. В. Капниста «Другу сердца», в котором уже сказалось характерное для романтиков отношение к Крыму как к далекой, прекрасной, почти сказочной стране, куда можно уйти от томительной обыденности. О своем возможном бегстве в Тавриду, где он может «отдохнуть» с возлюбленной, Капнист писал:

Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:
Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветр весенний веет.
Гостит недолго зимний хлад;
На холмах, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград.

И любимый поэтический учитель юного Пушкина Батюшков задумывал поэму «Таврида». «Собираю все материалы и собираюсь», — писал он в 1818 г. А. И. Тургеневу¹⁴. Этот замысел поэт не осуществил. Однако еще в 1815 г. им написано превосходное стихотворение «Таврида», которое Пушкин считал «лучшей элегией» Батюшкова. Недаром он называл его «певцом Тавриды» (XI, 186). В элегии Батюшкова развит тот же романтический мотив, который лежит в основе стихотворения Капниста «Другу сердца». Поэт предлагает возлюбленной бежать от тяжелых ударов судьбы в солнечную страну:

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена Фортуны и честей.

¹⁴ Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886, т. III, с. 534. Подчеркнуто Батюшковым.

Таким образом, когда Пушкин своим путем пришел к теме Тавриды, она уже определилась и оформилась как одна из ведущих тем романтического литературного движения. На это в 1823 г. указал О. Сомов в своей брошюре «О романтической поэзии», имевшей характер романтического манифеста. Сомов писал, что особенно благодарным для поэтов-романтиков предметом может служить «очаровательная Таврида» с ее «пленительными долинами» и «отдохновением для взора».

В 1822 г. сам Пушкин начал писать поэму «Таврида», из которой до нас дошел только отрывок, начинающийся строкой «Ты вновь со мною, наслажденье». По каким-то причинам поэт прекратил работу над нею и ее творческие «заготовки» стали переходить в другие его произведения, например, в стихотворный роман и в «Бахчисарайский фонтан». «Счастливы край, где блещет воды», — писал Пушкин в «Тавриде». «Волшебный край, очей отрада!» — читаем мы в «Бахчисарайском фонтане»¹⁵.

Именно в «Бахчисарайском фонтане» Пушкин сделал гигантский шаг вперед в разработке крымской темы. Он нарисовал Крым более художественно, чем его предшественники. «Бахчисарайский фонтан» — вершина изображения Крыма в русской поэзии. Пушкин сумел на крымском материале создать великдлепную поэму, где волновавшие романтиков проблемы страсти и бесстрастия были облечены в формы необыкновенно яркого и гармонического поэтического стиля.

5

Слово «роскошь» — ключ к стилю «Бахчисарайского фонтана». Сам Пушкин признавал, что поэму он писал как европеец, отдавшийся «упоению» восточной роскоши. Белинский, как мы видели, отмечал, что поэзия «Бахчисарайского фонтана», по сравнению с поэзией «Кавказского пленника», стала «роскошнее». Уже в наше время Г. А. Гуковский, имея в виду и романтические произведения Пушкина, подчеркивал, что «восточный стиль» русских романтиков «скопляет» «роскошные слова»¹⁶.

Такая «роскошь» обычно сочетается с ласкающей слух

¹⁵ О судьбе пушкинской «Тавриды» см. в нашей статье: LIX—LX строфы первой главы «Евгения Онегина». Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1947, вып. 3, с. 76—79.

¹⁶ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 267.

музыкальной кантиленой стиха; поэтому «восточный стиль» русских романтиков можно назвать не только «роскошным», но и «сладостным». А сочетание «роскошного» и «сладостного» погружает читателя в атмосферу прекрасного, ни в чем не схожего с обыденностью.

Классиком такого стиля, не ограниченного восточную тему, захватывающего и другие сферы поэтического изображения, для Пушкина вполне закономерно был Батюшков. Пушкин характеризовал словом «роскошь» те произведения Батюшкова, которые особенно любил: «Мои пенаты» и «Тавриду» с ее картинами Крыма. В заметке о «Моих пенатах» Пушкин писал: «Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши». А касаясь «Тавриды», замечал, что это «лучшая элегия Батюшкова» именно «по роскоши и небрежности воображения». Под «небрежностью» здесь надо, по-видимому, понимать свободу воображения. Говорит Пушкин и о «сладостности» стиля Батюшкова, подчеркивая, что в «Моих пенатах» «гармония очаровательна», а «Таврида» удивительна «по гармонии, по искусству стихосложения» (XII, 263 и 274). В «Тавриде» Батюшкова действительно «роскошный» и «сладостный» стиль. Поэт живописно изображает крымскую природу и усиливает свои описания предельно гармоничной словесной инструментровкой.

В «Бахчисарайском фонтане», где Пушкин тоже погружает читателя в атмосферу прекрасного, часто встречается эпитет «роскошный»: «роскошный Восток», «роскошная лень», «роскошный сон». Желание нарисовать «роскошь» восточной жизни и восточной природы естественно вело Пушкина к стилю Батюшкова, на основе которого и вырос стиль «Бахчисарайского фонтана». В поэме находим прямое использование батюшковских образов. Характерно, что Пушкин охотно говорит о «водах», столь любимых Батюшковым, которые, как и у Батюшкова, вызывают ощущение прекрасного и гармонируют с фонтаном, где «журчит во мраморе вода». Так, о «младых женах», живущих в ханском дворце, где все «в безумной неге утопает», говорится:

Меняют пышные уборы,
Заводят речи, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями.

Здесь все «изобильно», как и в имеющем чисто восточный характер описании гарема ночью:

Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И с милой розой неразлучны
Во мраке соловьи поют...

Пушкин часто прибегает и к пышным экзотическим сравнениям, взятым из яркого мира южной природы. О женах хана, скучающих в гареме, сказано:

Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы...

Зарема, тоскующая об утрате любви Гирея, —

Как пальма, смятая грозюю,
Поникла юной головою.

Вяземский писал, что в «Бахчисарайском фонтане» «есть отпечаток восточный в картинах». Но, разумеется, Восток в поэме Пушкина — романтический, условный. Это Восток ярких контрастов, которые так любили романтики. Денис Давыдов критиковал в присутствии сестры Пушкина строки о глазах Заремы:

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

Но Пушкин не принял этого замечания и писал Вяземскому: «Я бы с ним согласился, если б дело шло не о востоке. Слог восточный был для меня образцом» (XIII, 160). В том же условном и традиционном восточном духе выдержаны и многие другие сравнения. Так, Зарема сравнивается с розой и названа «звездой любви».

В пейзажах поэмы выступает романтическая луна.

За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит.

Развивая этот образ, Пушкин говорит о мусульманах — «обожателях Пророка»:

Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,

Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастным!

Эти строки не понравились Н. М. Языкову, и он писал в 1823 г. братьям: «...я, грешный, не понял... что значит стих: где под влиянием луны; не можете ли вы как-нибудь, проселочною дорогою, узнать, что выражается этою романтикетемною загадкою?»¹⁷ Конечно, с рациональной точки зрения не «под влиянием луны» возникли «тайны», «тишина» и «сладострастные вдохновения» Востока. Но поэт-романтик мог и имел право вообразить такое влияние на психологию и поведение обитателей этого экзотического мира.

В «Бахчисарайском фонтане» пейзажи гораздо менее конкретны, чем в «Кавказском пленнике». Зарема, например, вспоминая о Грузии, говорит:

Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы...

Это совсем не похоже на многие реалистические описания кавказской природы в первой романтической поэме Пушкина, где, например, изображен Эльбрус — «колосс двуглавый», блистающий в «ледяном» венце. То, что Зарема помнит довольно «общие» картины, обусловлено не только смутностью ее воспоминаний раннего детства, но и самой поэтикой произведения.

Таким образом, основные стилевые достижения Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» лежали в сфере «чистого» романтизма. Пушкину удалось разрешить и давно поставленную им задачу создания сложной структуры романтической поэмы.

6

Структура «Бахчисарайского фонтана» гораздо сложнее, чем в «Кавказском пленнике». Если, оценивая свою первую романтическую поэму, Пушкин жалел, что не оживил рассказа «происшествиями, которые сами собой вытекали из предметов» (XIII, 371), то теперь им было создано повествование с увлекательными происшествиями. Вместо двух геро-

¹⁷ Письма Н. М. Языкова к родным (1822—1829). СПб., 1913, с. 99—100.

ев «Кавказского пленника» здесь три основных героя, вступающих между собой в сложные взаимоотношения. В «Кавказском пленнике» «другая», которую любил на родине герой, вовсе не появляется в поэме, а в «Бахчисарайском фонтане» эта «другая» живет и действует: Мария, которую ревнует к Гирею Зарема.

В «Кавказском пленнике» в центральной части поэмы вообще нет никакого действия: Пленник и Черкешенка лишь обмениваются признаниями; настоящее действие отнесено в конец поэмы, когда Черкешенка освобождает Пленника и гибнет. В «Бахчисарайском фонтане» подлинно драматична центральная сцена свидания Заремы с Марией (Пушкин справедливо считал, что эта сцена имеет «драматическое достоинство»). Драматично внезапное появление Заремы (она «рукою торопливой открыла дверь») и ее почти таинственное исчезновение («Сказав, исчезла вдруг»). Почти сразу после этой сцены рассказывается о гибели Марии. Темп повествования в «Бахчисарайском фонтане», таким образом, значительно убыстряется по сравнению с «Кавказским пленником», где обмен признаниями героев и этнографические картины сильно задерживали действие. Самые монологи в «Кавказском пленнике» — это, по большей части, рассуждения, выражение эмоций, между тем как монолог Заремы — драматический рассказ о детстве героини, о том, как она увезена в Крым, о ее трагической любви к Гирею.

В «Бахчисарайском фонтане» сильна лирическая струя, которая как бы «размывает» план поэмы. Сам Пушкин называл поэму «бессвязными отрывками» (XIII, 75) и признавал, что в ней можно найти «недостаток плана» (XIII, 88). Лиризм поэмы, как и в «Кавказском пленнике», часто выражается в формах динамического экспрессивного стиля, отражающего внутреннюю взволнованность героев, хотя такой стиль и сочетается здесь со «сладостностью». В обращенном к Марии страстном монологе Заремы есть внезапный обрыв речи:

Но слушай: если я должна
Тебе... кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена.

Многогочие заменяет слова, и трудно точно сказать, какие именно, вероятно, одно слово — отомстить. Но Зарема, которую захватывают ее бурные эмоции, уже не в силах

произнести это слово; чувствуется и почти слышится лишь ее прерывистое дыхание.

По сравнению с первой южной поэмой, в «Бахчисарайском фонтане» авторский лиризм нарастает. Отразивший в подтексте поэмы историю какой-то своей «утаенной» любви, Пушкин даже называл «Бахчисарайский фонтан» «любовным бредом» (XIII, 68). Так в поэме появился четвертый герой — автор, в то время как в «Кавказском пленнике» образа автора не было, исключая посвящение к произведению.

Акцент на личность автора подчеркнут уж эпитафией к поэме, взятым из великого персидского поэта Саади: «Многие так же, как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече». Пушкин находил эти строки «прелестью» (XIII, 70), а затем использовал их в LI строфе восьмой главы «Евгения Онегина». Объясняя заглавие поэмы, Пушкин замечал: «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был Гаремом, но меланхолический эпитаф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 145).

Эпитафия не была лучше поэмы, но он подчеркивал ее лиризм. Заглавие «Гарем» направляло внимание читателя в сторону восточного быта (гарем в поэме как бы противопоставлен феодальному замку, где жила Мария до ее похищения). Заглавие же «Бахчисарайский фонтан» не имело прямого отношения к гарему и его обитательницам. «Фонтан слез» появился после смерти Марии и Заремы; его видел автор, путешествующий по Крыму; именно к его лирическим переживаниям «приковывал» читателей эпитафия, подсказавший заглавие, на котором окончательно остановился Пушкин.

Образ автора в «Бахчисарайском фонтане» наделен традиционно романтическими чертами. Он возникает на заключительных страницах поэмы. Поэт вводит читателя в ее творческую историю: он описывает свое посещение Бахчисарайского дворца и размышляет о судьбе старинных культур, обреченных на исчезновение («Где скрылись ханы? Где гарем? Кругом все тихо, все уныло»). В элегиях «Погасло дневное светило» и «К Овидию» Пушкин характеризовал себя как не сосланного, а «самовольного» изгнанника, «искателя новых впечатлений». Так он поступает и в «Бахчисарайском фонтане». Поэт опять-таки не только не вынужден покинуть «север», но сам стремится и торопится его оставить, чтобы избавиться от суеты «пиров».

Образ автора романтичен и потому, что это образ беззаветно влюбленного человека, предмет страсти которого окру-

жен сюжетной тайной (ее до сих пор стараются расшифровать пушкинисты):

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня
Неотразимый, неизбежный?

Сказано это очень неясно, так как дальше говорится, что перед мысленным взором поэта могла предстать или «Марии чистая душа», или ревнивая Зарема, но за этими образами, конечно, явственно просвечивает живая трепетная любовь Пушкина.

Делая шаг в современность, Пушкин прибегает к реалистическим деталям: он говорит о «ветхих решетках» когда-то роскошного гарема, о «надгробных столбах» ханского кладбища. Возникает вполне реальная картина путешествия по Крыму:

Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит.
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага.

Здесь дано и точное определение цветового оттенка моря, и местное наименование горы.

Но в основной части поэмы реалистических элементов, даже бытового или этнографического характера, в отличие от «Кавказского пленника», почти нет. Бытовой характер имеют лишь фигура евнуха, которому даже во сне не дают покоя мысли о возможной измене жен хана («Он пробуждается, дрожит, Напуганным прикинув ухом») и особенно беглая зарисовка посещающих друг друга по вечерам простых мусульманок в чадрах:

Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.

Итак, все достижения Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» лежат в сфере «чистого» романтизма. Именно в этой поэме, полной художественного блеска, Пушкин больше всего романтик. «Бахчисарайский фонтан» — одно из крупнейших достижений русского романтического искусства.

Напрашивается еще один важный принципиальный вывод. Как правильно указал Д. Д. Благой, «Кавказский пленник» был для Пушкина «огромным шагом» в «мир поэзии действительности»¹⁸. Но художественный метод Пушкина развивался не прямолинейно. И прежде чем сделать еще один шаг в мир жизни действительной на страницах «Цыган», Пушкин еще глубже погружается в романтический мир, создав «Бахчисарайский фонтан».

Ю. М. НИКИШОВ,

кандидат филологических наук
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИН КАК ГЕРОЙ СВОЕГО СТИХОТВОРНОГО РОМАНА

1

Всякий раз, когда мы встречаем авторское «я» в художественном произведении, встает задача соотнесения этого «я» с личностью самого художника. Практический диапазон вариантов здесь неисчислимы и размещается между полюсами: от строгого автобиографизма до чисто повествовательной условности.

В пушкинском «Евгении Онегине» авторское «я» принципиально неоднозначное, функционально богатое; оно в сущности покрывает все наиболее характерные разновидности повествования от первого лица: это и персонаж в ряду других персонажей, приятель Онегина; это поэт, участник реальной литературной жизни, друг Вяземского, Баратынского, Языкова и других современников, одновременно автор и коммен-

¹⁸ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.-Л., 1950, с. 270. Там же подчеркнуто, что «Бахчисарайский фонтан» из всех южных поэм Пушкина наиболее близок к традиционному канону романтической поэмы (см. с. 279).

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
А. С. П У Ш К И Н А

Межвузовский тематический сборник

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Калинин 1979